

Со времени первой поездки в Лоупул Сэрел оставляла ему большую часть городских посылок и увеличила их частоту почти до ежедневных. Не то, чтобы у него не было времени, теперь, когда сбор ягод закончился и Фали нуждалась в его помощи только по утрам. Зарплату, конечно, тоже сократили вдвое.

Он использовал время, проведенное в городе, чтобы расширить свои знания Ашаронского языка. К гневу Эрлен, он продолжал возвращаться в библиотеку.

Было бы быстрее, если бы он записывал информацию, которую собрал, но большинство людей в городе уже думали о нем как о фермерском ребенке с юга, связанном с семьей Сэрел или чем-то подобным.

Его умение бегло писать на незнакомом языке скоро распространится, если он будет делать заметки на лекциях Эрлена. Быть фермером, пытающимся научиться писать, было менее достойно сплетен, чем иностранец, стремящийся выучить свой родной язык.

Ашаронские буквы не шли ни в какое сравнение с Онтрийскими. Даже если в Ашаронском языке было всего сорок девять букв по сравнению с сотнями в Онтрианском, структура и написание его слов варьировались настолько широко, что были почти неразборчивы. Там было меньше правил, чем на Онтриане, и это только служило для того, чтобы сделать письменный язык еще более запутанным, поскольку различные диалекты языка придумывали различные и произвольные правила.

Империя несколько десятилетий назад объявила, что писатели должны писать на языке империи, а не на прежнем научном Абрешальском языке, который был настолько уменьшен, что на нем говорили менее тысячи человек.

Хорошо для простого Ашаронца, но плохо для него, так как книги с наибольшей информацией о слизняках были написаны по меньшей мере столетие назад. Это означало, что ему нужно изучить еще один язык, чтобы узнать, какие научные документы существуют о расе Турка.

Он решил сначала выучить Абрешальскую письменность, поскольку большая ее часть все равно стала Ашаронскими буквами. Не имело значения, что он не мог говорить по-абрешальски, важно было лишь то, что он понимал написанные на нем слова.

Затем его интерес к колдовству Ашарона отправил его на еще одну языковую охоту, на этот раз за языком создателей глифов.

Поскольку это было колдовское ремесло, основанное на наполнении символического искусства силой, он, конечно, был заинтересован. Одна из наиболее малоизвестных ветвей Онтрианской алхимии называлась эйконографией, в которой образы были пронизаны током. Метка раба была особым примером.

Он решил заняться этим после того, как узнал все, что мог, чтобы стать лучшим владельцем для Турка и Джара. Лучше не делать сразу слишком много дел.

В любом случае, он уже знал разговорный Ашаронский; научиться организовывать сорок девять букв в некое подобие смысла будет легче, чем выучить Онтрианский. Он дал себе два месяца на изучение Абрехаля, еще месяц на изучение современного Ашаронского языка и остаток года на изучение иероглифов.

Поставив перед собой эти цели на ближайшие несколько месяцев, он удовлетворенно потянулся в кресле библиотеки. Эрлен со вздохом встала. Он помахал ей с невинной улыбкой,

но в ответ получил лишь молчаливый взгляд. Она повернулась к нему спиной.

- Увидимся позже, - добавил он, просто чтобы посолить гноящуюся рану.

Возвращаясь к докам, он оглядел улицы. Он уже выяснил, что в Лоупуле нет гостиницы. Это было не идеально. Не прошло и недели, как закончился месяц благодати для Серал.

Он увидел кого-то знакомого и без колебаний окликнул его.

- Реон!

Пекарь огляделся, держа в руках большой мешок. Его брови удивленно приподнялись.

- Деви?

- Я хотел спросить, - сразу перешел он к делу, - не знаете ли вы, где в городе снимают комнаты?

- Сюда мало кто приходит, - с сомнением ответил Реон.

- Я поспрашиваю кое-кого. У меня должно быть что-то к следующей отправке.

- Ах, если возможно, не могли бы вы убедиться, что с Турком и Джаром все будет в порядке?

- Твои слизняки? Конечно.

- Я вам очень благодарен.

Он помог Реону погрузить тележку и снова направился к озеру. Он сунул два ронда капитану дока и отвязал шлюпку от причала.

Он лениво возвращался к дому Сэрел, когда на него напала змея.

Хмырь вырвался из-под него. Со спокойного, усыпанного цветами летнего берега реки он вдруг увидел свое отражение в воде. Привычная тяжесть на голове исчезла.

Его глаза расширились.

- Турк!

Вода вокруг низкого пруда была спокойной, настолько спокойной, насколько это вообще возможно, будучи частью маленького предательства, и в большинстве случаев это было мягко плещущееся озеро.

Но теперь вода хлестала вокруг, бледные формы нарушали спокойствие. Деви не мог дышать от паники, воспоминания душили его. Тогда он понял, что утонет в этом насмешливом смехе.

Неужели это случится снова?

Его рука коснулась бугристой чешуи.

Змея.

Она была достаточно большой, чтобы набить им рот.

Быть съеденным? Его мысли внезапно вернулись к корзинам с ягодами, поглощенными телами Турка и Джара.

Нет. Он сгниет сам по себе или не сгниет вовсе.

Он не умрет здесь.

Не раньше, чем он очистит смех от снов о смерти.

Он закричал и, несмотря на тщетность своих усилий, ударил змею изо всех сил. Он видел только небольшую вмятину на чешуе.

Один удар. Один удар пришелся под воду. Успех.

Он торжествующе улыбнулся, слегка изогнув губы. Его глаза закрылись, а тело обмякло.

Он ударился обо что-то. Мягкая и упругая, как слегка кожистая виноградная кожица.

Он заставил себя открыть глаза и увидел перед собой голубовато-зеленое пятно.

Зелено-синий?

Воздух вытеснил воду из его легких. Он задохнулся, инстинктивно борясь с этим, прежде чем пришел в себя и заставил себя сделать вдох.

Он был...

Он плыл по реке на гигантской слизи того же цвета, что и Турк, поднимаясь из воды.

Что?

Он заставил себя подняться.

- Зелено-синий?

Под его руками, под водой, стекающей с его промокшего тела, внутри полупрозрачного тела его любимой слизи, были змеиные кольца.

Невероятно. Это может сделать слизь? Он засмеялся от удовольствия, благодарный до глубины души. Звери Ашарона были лучшими домашними животными!

И тут ему в голову пришла одна мысль.

- Зелено-синий!- Его горе было искренним.

- А что, если он был болен?

Турк, возможно, благодаря какому-то инстинкту самонаведения, поднялся вверх по реке к дому Сэрел. По-видимому, это не имело никаких неприятных последствий от поедания массивной змеи, поэтому Деви оставил эту тему.

Деви даже не подозревал, что он может двигаться в воде, хотя с учетом большого количества литературы, в которой говорилось, что слизь часто встречается вблизи водоемов, он должен был ожидать этого.

Иначе почему у Турка такая гладкая и обтекаемая структура тела?

Он медленно расслабился на теле Турка, его колотящееся сердце мягко вернулось к своему ровному биению. Ему снились кошмары, как он падает с лодки, и он чувствовал, что его отвращение к воде было естественным. Он не ожидал, что будет так сильно бояться погружения в воду. В конце концов, он ведь все это время купался в реке, не так ли?

Он поднял руку, словно рассматривая ее в первый раз. Он, по крайней мере, нанес удар по врагу, находясь во власти смертельного страха. Она была маленькой, незначительной, но великие эпопеи - это собрание маленьких побед, не так ли? Он не собирался жить эпопеей, просто жить.

Он сжал пальцы в кулак и поднял его к небу.

Внутри него излучался ток.

*

*

Сэрел была уже видна, она держала удочку, откинувшись на спинку затененного стула

Ах. Ей бы это не понравилось. Она, вероятно, заставит его одолжить лодку у соседней фермы и убедиться, что она уцелела. Конечно, у него должна быть некоторая свобода действий. На них напал гигантский змей, и они целы - разве это не хорошо?

Сэрел заметила их и тупо уставилась на них.

- Это сикрейт? - спросила она с внушительным спокойствием, вглядываясь в Турка. Он не был так невозмутим.

- Он что, обычный?

Она посмотрела на него.

- Даже не хочешь сказать мне, почему в этой жиже сидит монстр?

- Мы встретили его, когда возвращались. Я думаю, он был голоден. Похоже, Турк был голоднее.- Деви ухмыльнулся, хлопывая слизняка по спине.

- Это не обычное явление, - ответила Сэрел на его предыдущий вопрос, - но океанские звери иногда поднимаются вверх по великой реке. Во всяком случае, я не слышала никаких историй о змеи в Лоупуле.

Деви улыбнулся. Может быть, Сэрел к нему потеплела? Теперь она была более разговорчива, чем раньше.

- Скажи мне, что он не собирается оставаться такого размера.

- Раньше он всегда возвращался к тому же размеру.

Она встала и начала убирать со стола.

- Можно остановиться. Вы спугнули рыбу.

- А что у нас на ужин?

- А что случилось со шлюпкой? - Не останавливаясь, спросила она ровным голосом.

- Я ... выберу еще Зазифоса завтра?

- Начинай сегодня. Солнце еще не село.

Деви со стоном прислонился к Турку. Он похлопал по коже новоиспеченного гиганта слизи.

- По крайней мере, мы будем на улице вместе.

Турк булькнул и выплюнул на пирс неповрежденный скелет морского краба.

- Ну, - сказал Дефи, помолчав, - это был бы хороший трофей?

Как это было неприемлемо для Турка, когда он в равной степени питался раковинами крабов и рыбьими костями?

Может быть, дело было в размере?

Ему действительно нужно купить письменные принадлежности. Турк и слизняки с каждым днем становились все интереснее! Записывая свои наблюдения, он будет легче заботиться о них в будущем.

-...ты этого не оставишь.- Крикнула Сэрел, выходя из сарая.

- Разве ты не хочешь этого?

- Иди и продай его какому-нибудь ищущему славы дураку в Лоупуле.

О, хорошая мысль. Ему действительно нужны были деньги.

Сноски:

эйконография - искусство вливания силы в образы; онтреанская традиционная форма искусства.

Сикрейт - морские звери, которые часто наводняют берега и глубокие воды моря Морблу. Редкий вызов, так как они темпераментны и их трудно контролировать. Может вырасти от размера средней сухопутной змеи до размера больше торгового галеона, и обычно виден в оттенках синего.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/37365/1026581>